

Однако одного лишь факта невыполнения возложенной на субъекта в установленном порядке обязанности недостаточно для наличия признаков преступного деяния. У должностного лица должна иметься реальная возможность исполнить такую обязанность, при этом он должен быть осведомлен о наличии у него соответствующей обязанности. Более того, неисполнение действий, которые должностное лицо должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, противоречило интересам службы.

При решении вопроса о наличии либо отсутствии объективной необходимости совершения тех или иных действий по службе в каждом конкретном случае предполагается установление наличия либо отсутствия в содеянном признаков обособленного риска, исключающего преступность деяния, учитывая, что любой вид хозяйственной деятельности может быть сопряжен с определенной долей риска. Не может быть признано преступным бездействие должностного лица, если оно имело место во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения, отданного в установленном порядке.

К оценочным признакам объективной стороны состава преступления следует также отнести и «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а также «тяжкие последствия», закрепленные в качестве квалифицирующего признака бездействия должностного лица в ч. 3 ст. 425 УК. Причинение существенного вреда является обязательным элементом объективной стороны злоупотребления властью или служебными полномочиями. Признание причиненного вреда несущественным дает основание квалифицировать деяния должностного лица как дисциплинарный проступок. В уголовно-правовой доктрине есть мнение, что существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства является не следствием, а содержанием противоречащего интересам службы властного, организационно-распорядительного или административно-хозяйственного решения. Учитывая, что дополнительным непосредственным объектом бездействия должностного лица являются отношения, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и интересов граждан или юридических лиц, нельзя трактовать как причинение существенного вреда государственным или общественным интересам сам факт неисполнения вопреки интересам службы служебных обязанностей, умаляющий авторитет органа власти, управления либо организации. Таким образом, нельзя отождествлять признаки деяния с признаками общественно опасных последствий, обусловленных совершением самого деяния. Деяние не может ни во временных рамках, ни по иным параметрам совпадать с последствием этого деяния.

Законодатель нередко связывает уголовную ответственность за бездействие с наступлением общественно опасных последствий, используя законодательную конструкцию «повлекшее причинение...». Указанное дает основание утверждать необходимость установления не только предусмотренных уголовным законом последствий, но и для их вменения осознания наличия либо предвидения развития причинной связи между ними и проявленным бездействием. В ином случае можно вести речь лишь о чисто объективном вменении лицу предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий. Особенностью уголовно-правового воздействия за бездействие должностного лица является наличие особых условий его уголовной противоправности: наступление предусмотренных в уголовном законе общественно опасных последствий за исключением бездействия, сопряженного с попустительством преступлению. В связи с этим определяющим при характеристике негативного психического отношения лица к установленному в обществе порядку поведения в случаях проявления пассивности является отношение к неисполнению возложенной на него обязанности. Совершение должностным лицом заведомо незаконного бездействия при наличии возможности исполнить возложенную на него служебную обязанность даже при сознательном допущении предусмотренных уголовным законом последствий либо безразличном к ним отношении следует признавать как учиненное с прямым умыслом.

Корыстная или иная личная заинтересованность является обязательным признаком субъективной стороны основного состава преступления. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» от 16 декабря 2004 г. № 12 указывается, что иная личная заинтересованность может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п. Указанный признак является оценочным, но все же требует более ясной трактовки. Личный интерес как признак субъективной стороны бездействия должностного лица следует рассматривать как пользу, выгоду только для должностного лица, не совпадающую с публичными интересами службы.

Для правильной юридической оценки пассивности должностного лица требуется не только четкое изложение в уголовном законе и однозначная трактовка признаков преступного бездействия должностного лица, но и четкая регламентация порядка служебной деятельности должностных лиц. Учитывая особую бланкетность диспозиции ч. 1 ст. 425 УК, можно утверждать, что уголовно-правовая оценка бездействия должностного лица во многом зависит от четкости закрепления правового статуса соответствующего должностного лица. В свою очередь, четкая, точная регламентация должностных обязанностей позволит правильно решать многие вопросы, связанные с установлением наличия либо отсутствия признаков анализируемого состава преступления в содеянном должностным лицом.

УДК 343.711.64

А.В. Ковальчук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОНА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА ИЛИ МАЛОМЕРНОГО СУДНА

Применение ст. 214 Уголовного кодекса Республики Беларусь, регламентирующей ответственность за угон транспортного средства или маломерного судна, на практике вызывает серьезные затруднения. Это связано с неудачной законодательной конструкцией ч. 1 ст. 214 УК и в этой связи – со сложностью в уяснении правоприменителем признаков данного преступления.

Обозначенная причина тесно связана с часто возникающим вопросом ограничения угон транспортного средства или маломерного судна от кражи транспортного средства. Разрешение этого вопроса вызвано необходимостью дифференциации уголовной ответственности лиц, совершивших эти преступления, поскольку размеры санкций, предусмотренных анализируемыми статьями, имеют весьма существенные отличия. Так, за совершение деяния, описанного в ч. 1 ст. 214 УК, законодателем установлен максимальный размер наказания в виде лишения свободы сроком до пяти лет, тогда, как за совершение преступления, предусмотрен-

ного ч. 1 ст. 205 УК, максимальный размер лишения свободы аналогичного вида наказания – до трех лет. Как видим, несмотря на одинаковую категорию данных видов преступлений, регламентацией размеров уголовного наказания законодатель подчеркивает повышенную общественную опасность угона по сравнению с хищением транспортного средства или маломерного судна.

В этой связи является очевидным, что лицу, задержанному по подозрению в противоправном завладении транспортным средством или маломерным судном, легче признаться в совершении кражи нежели использовании транспортного средства (маломерного судна) без цели хищения, так как ответственность за первое из названных преступлений, как отмечалось, существенно ограничена законодателем верхним пределом наказания в виде лишения свободы, описанным в санкции статьи. Поэтому для правильной квалификации перед правоприменителем стоит задача точного установления факта наличия либо отсутствия субъективного признака – цели хищения.

На наш взгляд, общественная опасность угона не является выше, чем кражи транспортного средства – и то, и другое преступление посягает на отношения собственности, в связи с чем законодателю следует уравнивать уголовные наказания за их совершение, что будет способствовать реализации принципов равенства граждан перед законом и справедливости. Вместе с тем дифференциацию уголовной ответственности за совершение этих видов преступлений можно было бы достичь путем учета сведений о личности виновного, обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность, а также иных обстоятельств дела.

Обращает на себя внимание и формулирование законодателем диспозиции ч. 1 ст. 214 УК, согласно которой угоном признается совершение лицом двух взаимосвязанных действий: неправомерного завладения транспортным средством или маломерным судном и поездки на нем без цели хищения. Таким образом, если лицо противоправно завладело чужим транспортным средством (маломерным судном) без цели хищения путем, не как указывает законодатель – поездки на нем, а например, при помощи эвакуатора, то такие действия согласно букве закона угоном не считаются и вообще не являются преступными. Ранее подобные деяния подпадали под признаки преступления, предусмотренного ст. 383 УК (самоуправство). В настоящее время эта статья Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 356-З из УК исключена и переведена в разряд административных правонарушений. Полагаем, что в данной ситуации позиция законодателя является непоследовательной, поскольку уже само противоправное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, независимо от того, была ли осуществлена поездка на нем или нет, является общественно опасным. Общественная опасность анализируемого посягательства заключается в нарушении права собственника или законного владельца использовать транспортное средство по своему усмотрению или в соответствии с поручением.

Вызывает определенные возражения и имеющаяся в ч. 1 ст. 214 УК формулировка «без цели хищения», так как целью хищения является корысть, которая имеет место и при угоне, потому как лицо в процессе угона некоторое время использует транспортное средство по своему усмотрению, освобождая себя от материальных затрат, экономит свой имущественный фонд, пользуется данным транспортом как своим собственным. В этой связи мы поддерживаем мнение М.Д. Веремеенко о необходимости формулировки данного признака как «без признаков хищения».

Таким образом, для устранения описанных проблем на практике, реализации принципов равенства граждан перед законом и справедливости, считаем целесообразным ч. 1 ст. 214 УК изложить в следующей редакции:

«Статья 214. Угон транспортного средства или маломерного судна

1. Неправомерное завладение транспортным средством или маломерным судном без признаков хищения (угон) – наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Предложенное нами решение обозначенных проблем правоприменения, а также законодательной регламентации угона не является бесспорным и представляет собой предмет самостоятельного исследования в теории уголовного права.

УДК 343.9

Л.В. Косарева

КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА

Проблема личности несовершеннолетнего преступника продолжает оставаться предметом многих исследований. Однако содержание и направленность ее на современном этапе несколько изменилась. Она заключается в ответе на вопрос: воплощаются ли социальные причины на индивидуальном уровне в некие специфические свойства личности преступника. Очевидно, что ответ на этот вопрос имеет существенное методологическое и криминологическое значение, так как от них зависит понимание объекта индивидуального профилактического воздействия, возможности индивидуального прогноза, объем и эффективность профилактических мероприятий.

В последние годы наблюдается интенсивный рост категории людей, для которых цель в жизни сводится только к достижению материального благополучия, наживе любыми способами. Труд утратил для них общественную ценность и значимость, стал носить прагматичный характер: больше получать благ и привилегий и меньше работать. Циничная позиция таких лиц приобретает более открытые и воинствующие формы, отравляет сознание подрастающего поколения, порождает бездуховность и скептицизм, толкает к совершению корыстных и иных тяжких преступлений.

Исследования показывают, что в обществе укоренилось представление о том, что деньги независимо от путей их приобретения обеспечивают человеку господство над законом, и условием этого господства является именно нормальное (спокойное, безразличное) отношение к корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым против личности с применением насилия, оружия, особой жестокостью. По этой причине данным преступлениям отдается приоритет среди прочих способов получения денег; при этом действует принцип «грабь награбленное». Под знаком такой идеи убийства и изнасилования, грабежи и разбои, другие преступления проходят стадию преобразования в групповую и организованную преступность.

В России стало системой осуществлять материальные затраты на развитие и воспитание, охрану здоровья детей и подростков, устройство досуговой сферы по остаточному принципу. При чем положение в данной сфере ежегодно ухудшается. Существенно